

званием отмечается, что «сластолюбие ума <...> это истинная роскошь Эпикурова» [3]. Завершает травелог глава «Находка», в которой автор описывает следующий случай: в трактире он нашел «бумажку» – потерянное (выброшенное) любовное письмо. Цитируя ее полностью, он не может скрыть восхищения и зависти. Но пора уже возвращаться в Москву.

Суммируя вышеизложенное, отметим, что в «Путешествии в Малороссию» автор использует следующие приемы организации повествования: эпиграфы, явную и скрытую цитацию, переработку тем и сюжетов, подражание. Основным источником цитирования – античный миф, зарубежные и отечественные тексты сентиментализма.

Таким образом, генерирование текстового пространства травелога осуществляется в двух плоскостях: как реальное перемещение автора в пространстве и как картографирование, узнавание литературно маркированных реалий и создание новых текстовых пометок. Вместе с тем «Путешествие в Малороссию» – это не только и не столько подражание Руссо, Стерну, и Карамзину, это особым образом структурированный текст, в котором на различных уровнях концентрируется сентименталистская эстетика, проявление которой сохраняет травелог как явление данной литературной парадигмы.

Список литературы

1. Абашев В. В., Фирсова А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского ун-та. – 2010. – Вып. 4(10). – С. 98–104.
2. Ильин И. П. Интертекстуальность // Постмодернизм. Словарь терминов. – [Электронный ресурс]: <http://postmodernism.academic.ru/52/интертекстуальность>.
3. Шаликов П. А. Путешествие в Малороссию. – [Электронный ресурс]: <http://www.knigafund.ru/books/51095>

Ипатова С. А.

Пушкинский «Странник» в интерпретации Н. П. Огарева

В ряду толкований пушкинского переложения «Странника» (1835; «Отрывок» «Из Вупуал», «Однажды странствуя среди долины дикой...»), в основном, как религиозного произведения заслуживает особого внимания поэтическая интерпретация Н. П. Огарева, страстного почитателя поэзии Пушкина. Его переложение стоит особняком, в статье оно рассматривается в контексте всего творчества Н. П. Огарева.

Ключевые слова: Н. П. Огарев, А. С. Пушкин, стихотворение «Странник», переложение.

Пушкинскими отзвуками, цитатами, перефразировками, реминисценциями пронизано все творчество Огарева, в котором растворились и многие философские темы Пушкина. На уход поэта Огарев откликнулся стихотворением «На смерть поэта» (1837; «Зачем душа тоски полна...»), в

котором высказал ощущение особой связи и преемственности соотнесенного творчества с пушкинским:

И если в форме неземной,
Перерожденный дух поэта
Еще витает над страной
Уж им покинутого света –
Мою слезу увидит он
И незамеченными перстами
Мне здешней жизни краткий сон
Благословит, с его скорбями
И благородными мечтами [7, с. 58–59].

Позже в стихотворном послании к Т. Н. Грановскому (1843; «Твое печальное послание...») Огарев даст такое объяснение своей страстной любви к Пушкину:

Одно пристрастье я с тобою
Питаю к Пушкину. И что ж?
С его больною стороною
Мы, может, дружны? Он похож
На нас болезненно. А может,
К нему у нас пристрастья нет,
А просто ни один поэт
Души так верно не тревожит [7, с. 164–165].

Истоком имеющихся толкований о религиозном характере пушкинского «Странника» стало высказывание В. Г. Белинского из его рецензии на вышедшие в 1841 году очередные тома посмертного издания сочинений поэта: это «целая поэма глубоко религиозного содержания, написанная библейским языком» [2, V, с. 271]; а также замечание П. В. Анненкова в предисловии к изданию сочинений Пушкина, предпринятому в 1855–1857 годах, о «религиозном настроении духа», выраженном здесь: «Стихотворение это, составляющее поэму само по себе, открывает то глубокое духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта, возвысив ее до образов» чисто эпических [1, I, с. 386]. Более определенно о духовном опыте Пушкина, выраженном в «Страннике», говорится в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «В последнее время набрался он много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно, что хоть записывая всякое слово: оно стоило его лучших стихов; но еще замечательней было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним еще больше жизни», отголоски этого слышны в «Страннике», в котором «звуками почти апокалипсическими изображен побег из города, обреченного гибели, и часть его собственного душевного состояния. Много готовилось России добра в этом человеке...» (1847; Письмо XXXI. «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность») [11, I, с. 102].

Как известно, источником пушкинского переложения послужило самое начало первой части монументальной аллегории «Путь пилигрима» (1678; «The Pilgrim's Progress from this World, to that Which is to Come») Джона Беньяна (Bunyan, 1628–1688), английского протестантского пропо-

ведника, «народная книга» которого сразу же получила огромную популярность не только в Англии и всей не католической Европе, но и в России, где, начиная с 1782 года, неоднократно переводилась. Герой повести – некто Христианин (имя собственное; «меня зовут теперь Христианином, но первое мое имя было Безблагодати») [4, с. 45] вдруг и неожиданно начинает осознавать греховность своего существования, суетность и бессмысленность земного бытия. Подавленный эсхатологическими настроениями, он мучается вопросом, как спастись. По совету встреченного им Евангелиста Христианин поспешно оставляет дом, семью, друзей, город, за грехи обреченный на гибель, и пускается в долгий, трудный и опасный путь в поисках праведной жизни и осуществления евангельского идеала. Следуя указанию Евангелиста, Христианин достигает «тесных врат», и, освободившись от тяжелой ноши грехов, проходит через них, тем самым аллегорически достигнув благочестивости. С этого момента, собственно, и начинается путь пилигрима – узкая тропинка, ведущая благочестивого человека через все искушения и мирские соблазны к усовершенствованию и, в конце концов, к небесному блаженству.

Обращение Пушкина к Беньяну в июле 1835 года было обусловлено, главным образом, собственным тяжелым душевным состоянием:

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потуя голову, в тоске ломаю руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станет со мной?»

В мрачных и скорбных мыслях Странник обращается к жене и детям:

Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное время
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!» [10, III(1), с. 391–392].

Объятый тяжкими переживаниями – страхом смерти и неготовностью к загробному суду, – Странник, «как узник, из тюрьмы замысливший побег», мечется в поисках духовного убежища. Близкие, сомневаясь в его здравом рассудке, с «бранью» и «ожесточеньем» пытаются остановить Странника, однако «скорбь великая» толкает его на побег из города, обреченного на сожжение. «Незапно» возникшие сомнения «куда бежать», «какой выбрать путь» рассеивает таинственный юноша, «читающий книгу», который указывает Страннику отдаленную стезю, озаренную светом. И Странник без колебаний бежит от мира.

Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле.
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата [10, III(1), с. 393].

Пушкин поставил тему, следуя за Беньяном, но удовлетворился лишь первыми тремя страницами английского источника, создав произведение, воспринимающееся как абсолютно законченное и оригинальное. Именно благодаря прикосновению Пушкина Достоевский в своей знаменитой речи (1880) немало внимания уделил «сектатору» Беньяну; писатель высоко оценил созвучность пушкинского стихотворения с духом подлинника и привел его как образец «всемирной отзывчивости поэта». Достоевский попытался увидеть то, каким мог стать путь Пушкина, связав присущую русскому народу «всемирную отзывчивость» поэта, «брата всех людей», с христианской идеей «общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» [5, XXVI, с. 136–149].

Осмысляя пушкинское свободолобие, Г. П. Федотов в статье «Певец Империи и Свободы» высказался об «освобождающем смысле», вложенном в одну из строк: переводя из Беньяна «начало его суровой пуританской поэмы, весьма далекой от всякого чувства свободы, Пушкин роняет стих, который, очевидно, имеет для него особое значение: Как раб, замысливший отчаянный побег, – для выражения аскетического отречения от мира. <...> Накануне смерти, в послании к жене, он оставляет свое последнее завещание свободы, в котором явно сливаются образы беньяновского беглеца и монастыря на Кавказе.

На свете счастья нет, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег» [11, II, с. 160–161].

«Страннику» Пушкина Огарев придавал большое значение в истории русской поэзии. В предисловии, предпосланному сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861), в котором обсуждается русское революционное движение и участие поэзии в нем, Огарев пишет: «Что случилось бы с Пушкиным, если б пуля <...> не прекратила дней его <...>. Вероятно, из патриотизма уже наклонный к панславизму, он перешел бы на сторону тех славянофилов, которые никогда не могли примириться с петербургской централизацией, и постепенно снова воскрес бы к впечатлениям свободы с большим знанием своей страны и с большим пониманием народных потребностей. <...> Станемте же глядеть назад <...> с сердечной печалью о преждевременной кончине поэта в мрачную годину русской жизни, когда он странствовал “среди долины дикой, объятый великой скорбью”, и искал юношу, читающего книгу, который бы указал ему дорогу к свету. <...> Пушкин дорастал до гениальной художественности, но перед концом поворачивал к глухому, мистическому полуотчаянию, полупророчеству – так звучат его “Подражания Данту”, “Не дай мне, бог, сойти с ума”, “Однажды странствуя”... На этом звуке он замер. Новых та-

лантов не являлось» [8, I, с. 445–449]. О том, насколько Огарев был убежден в сказанном, свидетельствует его письмо, написанное еще до эмиграции (18 апреля 1852 года) друзьям М. Н. Островскому и В. Н. Кашперову: «В самом деле, вы хотите вступить на поприще поэзии? – спрашивал он Островского. – <...> Одна поэтическая струна эпохи Пушкина и Лермонтова прошла, а новой нет! Комедия, сатира и Иеремиада – вот что еще возможно. Перечтите в IX томе Пушкина “Однажды странствуя среди долины дикой”. Конец этой пьесы будто обещает новую тему для поэзии, но до этой темы не дошел ни он, да и долго никто не дойдет» [8, II, с. 432–433]. Необходимо отметить, что новому материалистическому мироощущению Огарева-поэта предшествовали такие окрашенные глубокой религиозностью произведения 1830-х – первой половины 1840-х годов, как «Моя молитва», «Иисус», «Христианин», в которых однако не исповедовалось индивидуальное спасение в бегстве от мира; так, в поэме «Юмор» (1857–1868) автобиографический герой убежден:

Но если б жил я в веке том,
Когда Христос учил народы. –
Его б я был учеником
Во имя духа и свободы;
Оставил бы семью и дом,
Не побоялся бы невзгоды
И радостно б за веру пал
И свой удел благословлял [7, с. 415].

В эмиграции перед реформой и после нее поэтическая деятельность Огарева становится частью его революционной агитационной деятельности, а политическое содержание становится главным в его лирике. Субъективное переосмысление пушкинского «Странника» вылилось у поэта-трибуна в поэму с одноименным названием. Герой огаревского «Странника» (впервые: Общее вече. 1862. 20 дек. № 8), написанного в жанре исповеди, некий купеческий сын, живет в кутежах и разврате, но неожиданно ему стал «свет постыл и не забавил. / Стал думать <...> / Зачем народ живет в позоре, – / И зол и жалок род людской? <...> / Где слово правды? Где покой?.. / И слышу шепот над собой: / “Спасайся!”...». И раскаявшийся герой покидает дом, чтобы жить отшельником, довольствуясь «подаванием мирским», на что «отец почел меня безумным, / Народ почел меня святым». И далее: много лет живя одиноко в лесной келье, Странник читает святую книгу и ищет дух истины; здесь он «изведал много дум палящих, / Молитв сердечных, слез скорбящих», но ответа и «тайного смысла» в «священной книге» не находил, пока в «пророческом» сне ему трижды не предстало видение: в знойной степи «спит человек тяжелым сном», а над ним степной орел и «хищные орлята» вонзают когти и рвут человека, «дрожащего от муки», во сне же Странник слышит «торжественный глагол» из «уст невидимых»: «В житейский мир опять иди / И человека разбуди», чтоб он проснулся «после долгой ночи» и спугнул орла, «зане земле пора пришла – <...> / Дышать свободно и прохладно». И Странник, вняв

виденью, берет посох и суму и отправляется «вещать» виденное им «пробуждать человека» [7, с. 683–690].

Достаточно прозрачная аллегория о возвращении удалившегося от мира пустынноика назад в мир для гражданской проповеди народу не оставляла сомнений в революционности подтекста: спящий человек – русский народ, Россия; хищный и кровожадный орел – это самодержавие; Странник – русская интеллигенция; «ночные сны» России должен «спугнуть» звонящий колокол. При таком завершении сюжета в герое вполне могли бы узнать себя близкие Огареву участники революционного движения М. Л. Михайлов, С. Г. Нечаев, народовольцы. Чтобы понять, что имелось в виду под «уста́ми невидимыми», изрекающими «торжественный глагол» следует обратиться к его программному стихотворению «Предисловие к “Колоколу”» (1857; «Россия тягостно молчала...»):

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине <...>
Звучит, раскачиваясь, звон... [7, с. 254].

В огаревском «Страннике» (первоначальное заглавие поэмы «Пророк») очевидны прямые реминисценции не только из «Странника» Пушкина, но и его «Пророка» (1826; «Духовной жаждою томим...»), что уже отмечалось в литературе:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [10, III (1), с. 30–31].

Философская тема, которой касался поэт в «Пророке» и «Страннике», у Огарева получила прогрессистское осмысление и наполнилось конкретным содержанием готовности к общественной борьбе и подвигу на этой ниве.

В свое время исследователь В. А. Путинцев справедливо, но несколько прямолинейно подметил, что в поэме «Странник» Огарева открыто заявлено через ряд «нарочитых реминисценций» переосмысление пушкинского понимания «странничества», «поисков выхода из тупика, на который обрекает передового человека деспотический строй»; поэма «указывала» эту «дорогу к свету» через «активную борьбу со злом». «Революционный смысл этой аллегории очевиден; развивая пушкинскую тему, поэт приходит к прославлению борьбы за освобождение человека» [9, с. 196–197]. Д. Д. Благой, расценивая поэму Огарева как попытку «дойти» до «новой темы», поставленной в финале пушкинского «Странника», писал: «Путем снятия аллегоризма Бенъяна Пушкин шел и в своем “Страннике”, сообщая ему вместе с тем глубокое символическое звучание. “Странник” Огарева, напротив, почти полностью сбивается на аллерию. Поэтому хотя Огарев и стремился поднять “новую тему” пушкинского “Странника”,

но звучания новой “поэтической струны” не произошло. Понял пушкинское творчество Огарев лучше, чем сумел продолжить и развить его “глухой смысл”» [3, с. 65].

Неизвестно, знал ли Достоевский «Странника» Огарева, любимым его стихотворением, по воспоминаниям В. В. Тимофеевой (О. Починковской), была «Тюрьма», своим рефреном созвучная пушкинскому «Пророку»:

И в старой Библии гадал,
И только жаждал и мечтал,
Чтоб вышла мне по воле рока

И жизнь, и скорбь, и смерть пророка [6, с. 393].

Возможно, обвинение Огарева в «повороте» Пушкина к «глухому, мистическому полутчаянию, полупророчеству» имело, неосознанно, и другого, полемически осмысляемого адресата, и это был Беньян, с его фанатической сосредоточенностью на индивидуальном спасении. Огарев берет тот же источник, что и Пушкин, а именно «народную книгу», в основу которой был положен мировой сказочный сюжет, и заполняет эту канву близким себе содержанием на отечественном материале почти агиографической легенды.

В связи с этим необходимо отметить, что Анненков в Предисловии к изданию 1855 года высказал следующее предположение об одном из дополнительных вероятных источников пушкинского переложения: «он прилежно изучал повествования “Четы-Миней” и “Пролога” как в форме, так и в духе их. Между прочим, он выписал из последнего благочестивое сказание, имеющее сильное сходство с самой пьесой “Странник”. Осмеливаемся привести его здесь: “Вложи (дьявол), убо ему мысль о родителях, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминаючи велию отца и матере любовь, юже к нему имеша. И глаголаше ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь и тугу и плачь о тебе, яко неведаящим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближний жалеют по тебе, и весь дом отца твоего в печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братии его, и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущаше его яко уже изнеможи ему телом, и еле живу быти. Ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов изше яко скудель крепость его и плоть его бе яко трость ветром колеблема”» [1, I, с. 386].

Другими словами: подвижника по наущению дьявола искушают воспоминания об оставленной любящей семье, достатке и мирской суете, смущая его крепость и напоминая тростник, колеблемый ветром – образ этот, почерпнутый, вероятно, из легенды, неожиданно преломившись, вошел в стихотворение Пушкина «Поэт» (1830; «Поэт! не дорожи любовью народной»):

<...>Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,

И в детской резвости колеблет твой треножник [10, III(1), с. 223].

Учет этого проложного источника, обнаруженного Анненковым, при- дает дополнительные коннотации и причине бегства пушкинского Странника, и его неизвестному финалу, лежащие, однако, в абсолютно другой плоскости от темы революционного подвижничества в «Страннике» Огарева.

В 1876 году незадолго до смерти поэт напишет стихотворение «Пустынный (Старческая дума)», которое окажется созвучным пушкинскому «Страннику»:

Я жить хочу один, не нужно никого,
Жизнь устает, и больше ничего.
Людей я не люблю. Любил я их когда-то,
И ждал участия: все сердцу было свято,
Во что-то верилось, казалось полно
Надеждой на успех... <...>
Одно утешою и остается ныне –
Покончить праздный век в неведомой пустыне,
Но где ее найти? В какой избрать стране?.. [7, с. 773–774].

Список литературы

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Сочинения: в 7 т. – СПб., 1855–1857.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 13 т. – М., 1953–1959.
3. Благой Д. Д. Джон Беньян. Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: Исследования и материалы. – М.; Л., 1962. – Т. 4.
4. Буньян Дж. Путешествие пилигрима в Небесную страну. Духовная война / пер. Ю. Д. Засецкой. – СПб., 1878.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972–1990.
6. Н. П. Огарев в воспоминаниях современников / вступит. ст., сост. С. С. Конкина. – М., 1989 (Серия литературных мемуаров).
7. Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы / вступит. ст., подг. текста и прим. С. А. Рейсера. – Л., 1956 (Серия «Библиотека поэта»).
8. Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: в 2 т. / под общ. ред. М. Т. Иовчука и Н. Г. Тараканова. – М., 1952–1956.
9. Путинцев В. А. Н. П. Огарев: Жизнь. Мирозозрение. Творчество. – М., 1963.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Л., 1937–1949.
11. Пушкин А. С. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, коммент. Г. Е. Потаповой. Антология: в 2 т. – СПб., 2000 (Серия «Русский путь»).

Мацапура Л. В.

Готический «след» в романе Ф. В. Булгарина «Мазепа»

В статье рассматривается роман Ф. В. Булгарина «Мазепа» как факт проявления готической традиции в русской литературе первой половины XIX века. Использование методов сравнительного литературоведения позволило прийти к выводу, что влияние поэтики английского готического романа прослеживаются на всех уровнях поэтики романа Ф. В. Булгарина «Мазепа». Несмотря на то, что в произведении отразились и другие литературные влияния, использование приёмов готической прозы определило жанровую доминанту романа. Обращение Ф. В. Булгарина к готическим формулам и моделям стало частью авторской стратегии романиста и определило успех его произведений в среде массового читателя.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2014

**Художественные стратегии классической
и новой литературы: жанр, автор, текст**

Материалы XIX международной научной конференции

Под общей редакцией профессора В. Н. Скворцова

Санкт-Петербург
2014